

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ: ПРОБЛЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД²

© 2018 г. Ю.Н. Олейник*³

*ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва;

e-mail: yurii03@mail.ru

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы методологии историко-психологических исследований. В качестве перспективного вектора при организации и проведении исследований в области истории психологии рассматривается проблемологический подход, который опирается на признание проблемы в качестве системообразующего фактора научного познания. Обосновывается возможность анализа на его основе различных форм психологических знаний. Данный подход реализуется в проблемологическом методе анализа истории психологии, который ориентирован на выявление предпосылок возникновения проблемы, процесса ее осознания и формулировки, путей и вариантов ее разрешения.

Ключевые слова: история психологии, научная проблема, традиция, методология, проблемологический подход, историко-психологические исследования

Для современной российской психологической науки характерно стремление расширить методологические основания проводимых исследований. Методологический плюрализм сегодня становится «мягким» и приемлемым в большинстве случаев для ученых вариантом реализации достаточно эпатажной, но, одновременно, и имеющей основания идеи «методологического анархизма» (П. Фейрабенд). При этом необходимо отметить, что трансформация и расширение методологических основ

²Статья подготовлена по государственному заданию, проект № 0159-2018-0009.

³Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН».

проводимых исследований по-разному отражается в различных направлениях и отраслях психологической науки. Представляется, что в когнитивистски- и экспериментально ориентированных направлениях психологических исследований в этой связи возникает меньше трудностей, чем в направлениях, в которых философские и мировоззренческие ориентиры играют более существенную роль. К последним из них можно отнести и историю психологии. Недаром один из ведущих российских историков психологии В.А. Кольцова писала: «В истории психологии... трудности, связанные с утратой методологических ориентиров в проведении историко-психологических исследований, ощущаются особенно остро» (Кольцова, 2004, с. 4). В этой связи вполне правомерна поставка вопроса об изменениях в методологии истории психологии. Они должны позволять, не прерывая традиций в отечественных историко-психологических исследованиях, не отрицая результатов, полученных на предшествующих этапах развития истории психологии, и не руководствуясь неаргументированным отрицанием традиционных методологических подходов и принципов, определить новые и перспективные подходы и методы историко-психологических исследований (там же).

Следует отметить, что во второй половине XX века получены существенные и значимые результаты в разработке отдельных проблем методологии истории отечественной психологии: рассмотрение идеи преемственности знания и принципов историко-психологического исследования (Теплов, 1985; Ананьев, 1945; и др.); изучение истории психологии через призму развития ее концептуально-понятийного аппарата (Тутунджан, 1992; Ткаченко, 1973; и др.) и разработка метода категориального анализа в историко-психологических исследованиях (Ярошевский, 1973; 1988); обоснование возможностей хронологического сравнительно-сопоставительного метода в изучении истории психологии (Ананьев, 1947); разработка вопросов использования системного подхода в истории психологии (Ломов, 1984; 1990; Будилова, 1983; Кольцова, Олейник, 1991; и др.);

исследование возможностей социокультурного анализа динамики психологического знания (Будилова, 1983; Кольцова, Медведев, Олейник, 1992; и др.) и проведение анализа истории психологии с позиций социальной истории науки, т.е. в контексте социальных, политических и идеологических факторов (Петровский., 1984; Аллахвердян, 1992; и др.); разработка методологических оснований изучения донаучных и вненаучных воззрений в контексте динамики психологического знания в целом (Соколов, 1963; Роменец, 1988; Кольцова, 2004) и в рамках истории отдельных отраслей психологии (Будилова, 1983; Климов, Носкова, 1992; Марцинковская, 1998; Носкова, 1997; Олейник, 1990; и др.); обоснование принципов периодизации истории отечественной психологии (Платонов, 1984; Карацан, Платонов, 1986; Казаков, 1984; и др.); разработка методологических вопросов изучения научных школ (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989; Брушлинский, 1988; Имедадзе, 1988; Логинова. 1990а; 1990в; Левченко, 1995; Умрихин, 1987; 1988; и др.) и творческого наследия отдельных исследователей (Большакова, 1997; 1999; и др.); обоснование принципов «понимающей» парадигмы в историческом познании и реализация метода «исторического переноса» в изложении истории психологии (Соколова, 1994); моделирование образа истории психологии как учебной дисциплины (А.Н. Ждан, М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский и др.). Следует отметить, что значительная часть этих разработок была выполнена в 1980-е – начале 1990-х годов, т.е. до коренных преобразований в жизни нашего общества (1995).

Вместе с тем, в 2002 году в одной из публикаций автору статьи, опираясь на совокупность приводимых аргументов, пришлось с сожалением констатировать, что, несмотря на вышеуказанные достижения в области методологии истории, «в последнее время существенно снизился интерес специалистов к разработке проблем и дискуссионных вопросов методологии истории психологии» (Олейник, 2002, с. 165). В частности, отмечалось, что о недостаточности методологической рефлексии в отечественной истории

психологии свидетельствует тот факт, что одна из первых попыток обобщить и структурировать накопленный в этой области материал и изложить его в систематизированном виде была осуществлена только в самом конце 90-х годов XX столетия (Кольцова, Олейник, 1999, с. 578–590).

Анализируя результаты формирования методологии истории психологии, следует признать, что в отечественных историко-психологических исследованиях разработка методологических вопросов чаще осуществляется не дедуктивным (выведением частного из общего), а индуктивным путем, когда осознание и оформление методологических и концептуальных положений исследования не предшествует конкретному исследованию, а является итогом рефлексии его результатов⁴.

Причин подобного положения дел в области методологии истории психологии можно указывать достаточно много: использование историей психологии методологических разработок смежных дисциплин (истории, философии, культурологии); существование общей монометодологической основы в науке советского периода, в значительной мере восполняющей необходимость разработки частной методологии; малочисленность сообщества историков психологии и акцентирование их усилий на конкретно-научных разработках; недооценка историками психологии значения методологической рефлексии как самостоятельного и важного направления исследований в области истории психологии.

Между тем, безусловно, прав А.Я. Гуревич, указывая в своей публикации «Историк конца XX столетия в поисках метода», что «подлинная свобода научного творчества возможна лишь при условии, что историк напряженно вдумывается в эпистемологические основания своего исследования, творчески

⁴В подобном положении дел, безусловно, нет опасности. Как известно, теоретические построения могут формироваться, как индуктивным, так и дедуктивным путем. И та же история психологии дает нам массу примеров этого. Однако, беда состоит в другом: часто исследователю не достает времени, а иногда и понимания необходимости осмысления полученных им результатов, самой программы и технологии проведенного им исследования в методологическом плане, обозначения концептуального значения проведенной им работы.

и критически осваивая при этом достижения гуманитарного знания своего времени» (Гуревич, 1996, с. 4).

Сегодня, в конце второго десятилетия XXI века, ситуация в области методологии истории психологии существенно изменилась. Благодаря появлению фундаментальных и научных трудов и публикаций В.А. Кольцовой, В.А. Мазилова, А.Н. Ждан, Н.А. Логиновой, Е.В. Левченко и других исследователей, многие проблемы методологии историко-психологического познания получили решение. Значит ли это, что вопросы методологии истории психологии утратили свою актуальность? Конечно нет!

Значительная часть методологических проблем истории психологической науки остается еще недостаточно разработанной: создание единых сопоставимых методических приемов анализа различных психологических источников; роль историка психологии как субъекта историко-психологического познания; возможные пути объективизации историко-психологического познания и значение количественных методов в изучении истории психологии и т.д.

В этой связи остановимся на нескольких методологических проблемах, решение которых, на наш взгляд, является актуальным для современной истории отечественной психологии.

Важной проблемой, которую приходится решать историку психологии, является вычленение собственно психологического знания при анализе культурологической, философской, педагогической, медицинской литературы. Особенно остро эта проблема стоит перед исследователями так называемого «донаучного» периода развития психологического знания, когда психология еще не оформилась в качестве самостоятельной области науки, и когда психологические идеи встречались в различных источниках непсихологического характера. Известный отечественный ученый П.С. Гуревич, специализирующийся в области психологии и философской

антропологии, указывая на трудности в определении предмета психологии, подчеркивает, что «предельно сложно вычлениить собственно психологическую тему в комплексе философского знания. Можно ли, к примеру, считать сюжетом психологии размышления Сократа о человеческих добродетелях или постижение смерти у Платона?» (Гуревич, 1999, с. 30).

Методологический смысл решения данной проблемы в контексте истории психологии состоит в нескольких обстоятельствах. Сопоставление между собой различных по замыслу, глубине осмысления, логике построения и обоснования сведений, содержащихся в письменных, устных и художественно-образных источниках, в контексте единого теоретико-методологического подхода позволит: во-первых, существенно расширить источниковедческую базу историко-психологических исследований; во-вторых, избежать «научного снобизма», когда психологические знания, не представленные в научной форме, недооцениваются или даже игнорируются; в-третьих, повысить объективность исследований в области истории психологии за счет многоплановости и многоуровневости проводимого анализа.

В этой связи встает вопрос поиска единой концептуально-методической и инструментально-операциональной схемы выявления психологического знания в различных источниках, отличающихся по своей полноте, уровню их психологической насыщенности, характеру связей психологического знания с знаниями других отраслей.

Для более или менее удовлетворительного решения данного вопроса необходимо предварительно рассмотреть ряд аспектов, которые являются исходными в наших рассуждениях.

Первый аспект – признание многообразия форм существования психологических знаний. Традиционно исследователи выделяют две основные формы познания: научную (обоснованную, истинную, достоверную) и ненаучную (субъективную, недостоверную, необоснованную). Подобный подход в определенной мере, оправдан с позиций узкосциентистских

ориентаций ученого: научным психологическим знанием признается все то, что отвечает общепринятым на данном этапе раз

вития научного сообщества критериям научности⁵, а все другие формы знания выводятся за рамки научного и признаются как ненаучные⁶ с соответствующими характеристиками.

Между тем, анализ представленности психологических знаний в научно-культурном наследии человечества позволяет утверждать наличие широкой совокупности форм психологического знания, по некоторым характеристикам равнозначным научной форме: по своей значимости в способах осознания действительности и ее предметно-практическому освоению; по влиянию на интенсивность познавательной активности и регуляцию жизнедеятельности человека; по воздействию на формирование личностно-адекватного образа действительности и предпочитаемые способы постижения сущности явлений. Как справедливо отмечает В.М. Розин, «познание теперь перестает отождествляться с наукой, а знание – только с таким, которое получено научным путем, да еще, как правило, в естественных науках. Постепенно восстанавливается понимание того, что существуют разные формы познания – научное, философское, религиозное, эзотерическое, художественное и другие, а также разные его идеалы – античный, теологический, естественнонаучный, гуманитарный и т.д.» (Розин, 1996, с. 5).

Действительно, форм познания психической реальности довольно много, по крайней мере, гораздо больше, чем в познании других видов реальности –

⁵В данной работе мы не ставим задачу специального обсуждения проблемы критериев научности. Адресуем читателя к работам В.А. Канке и др. ученых, в которых достаточно полно представлены различные подходы и взгляды на этот вопрос. Например, Канке указывает следующие критерии научности знаний: обоснованность, достоверность, непротиворечивость, эмпирическая подтверждаемость и принципиально возможная фальсифицируемость, концептуальная связанность, предсказательная сила и практическая эффективность (Канке, 2000, с. 159).

⁶Интересные соображения, на наш взгляд, на этот счет высказывает В.А. Канке. По его мнению, «в термине «ненаука» приставка «не» придает слову наука слишком резкое, негативное содержание: ненаука – это то, что противостоит науке» (Канке, 2000, с. 157). Другие же синонимы, по его мнению, также не совсем удачны: «термин «вненаука» содержит не совсем уместную отсылку к феномену пространственности («вне»)), а выражение «вненаучное знание» – слишком громоздко (там же, с. 157). Канке предлагает в подобных случаях

скажем физической или химической. Можно говорить о следующих формах психологического познания: научном, художественном, религиозном, мифологическом и житейском (обыденном) (Кольцова, 2004). Каждая из них характеризуется особенностями используемых методов, приемов структурирования получаемых результатов и критериев их обоснования, отличается исходными постулатами и нормами доказательности, широтой охвата исследуемых вопросов и проблем, уровнем осмысленности конкретного психологического материала, степенью доступности массовому общественному сознанию и распространенностью в обществе, используемой фактологической базой и системой источников и т.д. Интересно высказывание в этой связи немецкого философа и культуролога Г. Риккерта, отмечавшего, что «та “психология”, которую изучают художники, имеет, конечно, с абстрактной наукой о психической жизни общим только название, и никто не порекомендует поэту заняться научной психологией для того, чтобы таким образом усовершенствоваться в поэтическом искусстве. Искусство стремится постигнуть психическую жизнь не понятиями, но... интуитивно для того, чтобы с помощью совсем иных, нежели научные, средств поднять ее в сферу всеобщего значения; так что художественная способность “психологического” понимания людей, во всяком случае, совершенно не зависит от знания научной психологии» (Риккерт, 1998, с. 79).

Важно при этом подчеркнуть, что различные формы познания психической реальности одновременно сосуществуют, как в общественном, так и в индивидуальном сознании (в том числе и в сознании самого историка психологии), что часто выступает основанием для переноса, порой некритического, данных, полученных в контексте одной формы психологического познания, в массив фактологии, выявленной в рамках другой формы психологического познания. Отсюда следует важный для историка психологии вывод: анализируя систему психологических воззрений,

использовать термин «не-наука», который обозначает ненауку, «которая сохраняет соотносительность (эту позицию выражает дефис) с наукой» (там же).

складывающихся в русле конкретной формы психологического познания (например, житейской), не следует придавать полученным результатам тот же статус, которые имеют данные, получаемые в рамках другой формы психологического познания (например, научной). Это может привести к «осовремениванию» идей далекого прошлого.

Второй аспект, который требует предварительного рассмотрения для решения поставленной нами в данной статье задачи, касается проблемы соотношения объективности и субъективности историко-психологического исследования. Ориентируясь на стандарты естественнонаучного знания (в том числе и в сфере психологии), историки психологии стремятся повысить уровень доказательности получаемых результатов за счет введения в историко-психологические исследования количественных, в первую очередь, статистических методов, использования экспертной оценки специалистов (назовем это «научным аудитом») и т.д. Это, в конечном итоге, приводит к элиминации субъективных мнений и научных пристрастий историка психологии, позволяя, тем самым, повысить объективность результатов научного исследования. Подобный подход, безусловно, заслуживает поддержки, поскольку история психологии как научная дисциплина не может игнорировать принятые в научном сообществе критерии и стандарты доказательности.

Однако следует ли абсолютизировать подобные тенденции? Да и можем ли мы рассчитывать на достижение полной объективности при интерпретации и объяснении динамики психологического знания? Еще в начале 1990-х годов известный методолог психологии А.В. Юревич подчеркивал необходимость использования при философском анализе научного объяснения (в том числе, и в области истории психологии) не столько представления о науке как системе знания, когда объяснение выступает как результат, сколько представления о ней как системе деятельности по производству знания, когда объяснение выступает как процесс (Юревич, 1993, с. 107).

Отсюда следует естественное введение субъектного и субъектного факторов (отдельного ученого, научной группы или научного сообщества в целом с их взглядами и установками) в систему объяснения⁷. При этом следует иметь в виду, что в структуре субъективности научного объяснения присутствуют два субъекта: тот, кто объясняет, и тот, кому это объяснение адресовано. Последний также может быть представлен в виде, как отдельного человека, так и обобщенного другого. То есть, «объяснение – это диалог, реальный или мыслимый, направленный на передачу другому конкретной когнитивной структуры субъекта» (там же, с. 108). В любом, даже самом незначительном, суждении относительно прошлого (не говоря уже о масштабных историко-психологических реконструкциях, например, творческого наследия того или иного ученого, или динамики познания той или иной психологической проблемы в исторической ретроспективе) всегда представлена субъективность – субъективность объяснения и интерпретации самого историка психологии, а также субъективность понимания и интерпретации субъекта восприятия результатов историко-психологического исследования.

Таким образом, мы считаем, что историку психологии не следует ставить перед собой заведомо не решаемую задачу достижения «чистого», исключаящего субъективную компоненту, знания; необходимо четко осознать и обозначить характер получаемого в результате его исследовательской деятельности знания (описаний, интерпретаций, объяснений, трактовок).

Конструктивным в этом плане нам представляется понятие «проблематичное знание», используемое известным итальянским философом Н. Аббаньяно. Рассматривая вопрос о философии как экзистенции, ученый указывает, что следует говорить о двух типах знания: необходимом и проблематичном. Необходимое знание «реализуется как неизменное сцепление универсальных определений, так что его можно понять и овладеть им

⁷Эта идея находит убедительное подтверждение в концепции психологии субъекта А.В. Брушлинского.

посредством одного единственного взгляда, который бы охватывал абсолютную тотальность». При этом данный тип знания «исключает всякую проблему внутри себя и не составляет проблему в своей тотальности» (Аббаньяно, 1998, с. 307). Характеристика же проблематичного знания принципиально иная. Оно отрицает необходимость, а включает в себя «неопределенность, сомнение, решение и выбор и имеет в качестве своей нормы и своей высшей категории категорию возможности» (там же, с. 308). Проблематичное знание – это «знание, которое включает в себя возможность незнания... непрерывно сопровождается сомнением... [допускает – Ю.О.] возможности заблуждения, потери и утраты возможного знания» (там же). Нам представляется, что знание, получаемое в рамках истории психологии, относится по своему типу к проблематичному, а соответственно, в контексте наших рассуждений, допускает субъективность идущую, как от исследователя, так и от того материала, на котором он строит свои выводы.

Таким образом, не абсолютизируя субъективность, характерную для истории психологии, и не призывая к произвольности историко-психологических построений, следует, тем не менее, учитывать, что историк психологии не должен быть ориентирован исключительно на естественнонаучный идеал познания с его достаточно жестким представлением об объективности как единственной критерии истины.

Вернемся теперь к основной задаче нашей работы – поиску единых оснований вычленения психологического содержания в различных формах психологического знания.

Варианты решения данной проблемы могут быть различны. Например, М.Г. Ярошевский предложил метод категориального анализа истории психологии, когда ключевые понятия современной психологии как бы «опрокидываются» в прошлое и через данную категориально-понятийную систему как через сито «просеивается» все предшествующее психологическое знание. Е.Е. Соколова, анализируя философские тексты, выделяет в них те

сюжеты, которые затем получают активное осмысление и разработку уже в лоне собственно психологической науки (Соколова, 1994). И в первом, и во втором случаях история психологии рассматривается через призму определенной системы ключевых категорий или терминов. При этом, естественно, в качестве исходных берутся понятия современной психологии, и затем ведется поиск их аналогов в предшествующем психологическом знании.

Нам представляется конструктивным использование в качестве единицы анализа динамики психологического знания понятия «проблема», более широкого по объему, чем понятие «категория» и в тоже время менее жесткого и однозначного, т.е. допускающего возможность существования проблематичного знания (по Аббеляно). Тем более, что через призму проблемологического изучения психологической мысли, выраженной в различных формах представленности психологического знания, можно воссоздать процесс формирования *научной* психологической мысли: во-первых, проблемологический анализ позволяет выявить и проследить социокультурную детерминацию развития научного знания через формирование проблемной ситуации (как справедливо отмечается, именно в «процессе постановки проблемы осуществляется социальный заказ науке») (Никифоров, 1988, с. 6); во-вторых, историческое развертывание проблемы отражает внутреннюю логику развития научного познания, объективно существующую потребность науки в самодетерминации: исследование постановки проблемы и путей ее решения позволяет раскрыть взгляды и ориентации, как отдельных ученых, так исследовательских коллективов и научных школ.

Разработка учеными проблемы или совокупности проблем стимулирует создание адекватных методов и развитие категориально-понятийного аппарата науки. Справедливо утверждается, что «развитие проблематики приводит к структурным изменениям в науке: ее дифференциации, появлению новых

областей, усилению стыков и связей со смежными науками. Оно ведет к углублению специализации, “разделению труда”...» (Сахаров, 1977, с. 52).

Являясь формой научного мышления, проблема, с одной стороны, выражает необходимость развития научного знания, с другой стороны, выступает одним из мощных познавательных стимулов познания в целом. Выступая как вектор направленности развития познавательной деятельности и являясь системообразующим фактором формирования системы знания, она обеспечивает возможность реализовать ряд необходимых описаний этой системы: с точки зрения присущих этой системе внешних, свойств; с точки зрения ее внутреннего строения и «вклада ее компонентов в формирование ценностных свойств системы; с точки зрения понимания данной системы как подсистемы более широкой системы» (Садовский, 1977, с. 107). Тем самым обеспечивается важный принцип системного подхода – принцип множественности описаний объекта.

В то же время, опираясь на обоснованные выводы Б.А. Старостина о том, что факторы развития науки могут быть истолкованы одновременно и как ее параметры (Старостин, 1977, с. 114), можно выделить проблему и как исходную единицу анализа при изучении истории развития психологического познания в целом. Следовательно, и реальную историю психологии можно представить через динамику научных проблем⁸. Как отмечает А.П. Огурцов, «ныне складывается новый образ науки, при котором весь корпус научного знания предстает как совокупность различного рода проблем и проблемных ситуаций, а научное творчество – как постановка и решение проблем» (Огурцов, 1980, с. 324).

На наш взгляд, выделение проблемы как исходной единицы анализа отвечает всем требованиям, предъявляемым к конструированию подобных

⁸Существует мнение и о невозможности такого допущения. В частности, такой точки зрения придерживались Б.С. Грязнов (Грязнов, 1977) и В.И. Селиверстов (Селиверстов, 197). Данная позиция опирается, с одной стороны, на признание в качестве начального звена исследовательской деятельности не проблемы, а теории, с другой стороны, – на понятие «поризм» (непредвиденный, неожиданный, промежуточный результат). Однако эти взгляды не получили значительного распространения в науковедении и эпистемологии науки.

единиц в методологических, науковедческих и историко-психологических исследованиях, на которые указывает В.В. Умрихин (Умрихин, 1987, с. 28–29).

Именно на понимании проблемы как системообразующего фактора научного познания и построен *проблемологический подход* в историко-психологических исследованиях. Его задачей является раскрытие динамики развития психологического знания через выявление изменений проблематики в разные исторические периоды в зависимости от внешних, личностных и внутренних факторов детерминации науки⁹, а также изучение истории разработки ключевых проблем психологии в их исторической ретроспективе. Можно согласиться с утверждением о том, что проблемологический подход «объединяет в себе “социологический” аспект рассмотрения (проблемы выдвигались борьбой классов, социальной практикой, их решение отражало эту практику) и “гносеологический” (чем обогащен категориальный аппарат, что нового в решении проблем)» (Емельянов, Любутин, 1987, с. 24).

Таким образом, специфика проблемологического подхода в целом состоит в реконструкции определенного объема знаний и выявлении его динамики в процессе постановки и решения проблем. Это предполагает, в свою очередь, изучение психологического знания в контексте различных форм его существования, исследование творчества отдельных мыслителей и ученых, анализ достижений научных школ и направлений, эволюции основных понятий и методов в рамках постановки и решения проблемы. Все это и позволяет в русле «диалектико-материалистически понятого метода “восхождения”... проследить движение от эмпирии к теории, выделить “сквозные” и “преходящие” проблемы, их аспекты» (там же, с. 25). И в этом отношении проблемологический подход открывает возможности для целостного воссоздания динамики психологического знания, от возникновения проблемы

⁹Чаще всего проблемологический подход в истории психологии реализуется в виде изучения постановки и путей решения какой-либо одной проблемы. При этом надо понимать, что для исторического развития психологического знания характерен не только переход от одной проблемы к другой, но также и новая постановка уже известных, ранее сформулированных проблем, в связи с новыми, в том числе междисциплинарными, данными, накоплением опыта исследований и социальным заказом общества.

и ее формулировки на языке житейской, религиозной или художественно-образной формы психологических знаний и ее решения на основе субъективных методов, до постановки этой проблемы отдельными учеными или научными школами на строго научном категориально-понятийном языке и ее решения с помощью объективных методов.

В то же время, мы считаем, что рассмотрение истории психологии только как последовательности постановки и решения проблем недостаточно. Это обусловлено, во-первых, выводами по результатам конкретных историко-научных исследований (Грязнов, 1977, с. 114), во-вторых, тем, что при изучении истории науки всегда следует иметь в виду единство когнитивных и коммуникативных компонентов познавательной деятельности. И, соответственно, история научной дисциплины должна включать параметр, отражающий процесс исторической преемственности знаний. В этом качестве, на наш взгляд, выступает традиция¹⁰. Такое дополнение важно и еще по одной причине: если проблема в значительной мере характеризует процесс производства знания (и, соответственно, структуру «передового края» науки), то традиция – процессы передачи и воспроизводства знания, а, значит, дисциплинарную структуру науки (Огурцов, 1980, с. 305). В связи с этим представляется, что история развития отечественной психологической мысли должна быть рассмотрена как единство динамики проблематики и функционирования механизма преемственности в развитии знания¹¹.

Что же понимается в современной науке под термином «проблема»? В.Н. Никифоров, проанализировав около 60 существующих определений термина «проблема», выделил специфические содержательные признаки этого понятия:

¹⁰Герхард Харич указывал на возможность изучения истории науки как истории прогрессивных традиций, подчеркивая, что «именно такой подход, не исключающий, а предлагающий другие подходы, заслуживает... большего внимания, чем прежде, так как на этом пути становятся очевидными основные принципы, которые способствовали в прошлом и способствуют в настоящее время углублению человеческих знаний. Одновременно выявляются материальные и идейные движущие силы, которые порождают новые проблемы и ведут к новым решениям...» (Harig, 1963, с. VII–VIII).

¹¹Примерно такой же подход реализован Ларри Лауданом в его концепции развития науки – «умеренный историзм» или концепция «научного прогресса как решения проблем в рамках определенной исследовательской традиции» (Laudan, 1977; 1981).

форма отражения объективно существующей проблемной ситуации; отправной пункт познавательного цикла, исходная форма организации знания; нацеленность на получение нового знания; система высказываний и требований; иерархически упорядоченная совокупность вопросов (Никифоров, 1988, с. 68). Это позволило ему дать следующее определение проблемы: «Проблема есть исходная форма организации знаний, представляющая собой систему высказываний о проблемной ситуации, и совокупность вопросов, решение которых необходимо для ее разрешения, и, возможно, путем получения нового знания» (Никифоров, 1988, с. 68)¹².

Таким образом, одним из оснований исследования психологического содержания, выраженного в различных формах психологического познания, может выступать проблема, позволяющая интегрировать и художественное, и религиозное, и быденное, и научное осмысление психической реальности. Известный зарубежный историк психологии Х. Люк пишет: «При изучении истории проблемы исследователи отступают от хронологической последовательности и действуют в интересах более сильной систематизации отдельных проблем... Понятно, что история проблем психологии не может быть простым хронологическим описанием развития науки. Она ориентирована на фундаментальные вопросы и анализирует их с точки зрения различных эпох... В целом, этот многообещающий вид истории психологии встречается не очень часто» (Люк, 2017, с. 199).

Завершая рассмотрение вопроса о возможностях единого подхода к выяснению психологического содержания в различных формах психологического познания, отметим, что одной из важных тенденций современной исторической науки, фиксируемой многими исследователями, является тенденция формирования «понимающей истории». Как отмечает применительно к состоянию исторической науки И.Л. Тучкова, «можно

¹²Таким образом, отличие проблемы от задачи заключается в том, что первая, оперируя неопределенными вопросами, требует для своего решения нового знания. Задача же использует определенные вопросы и ее решение возможно на основе уже существующего знания.

утверждать, что бесконечное и неконтролируемое копание в прошлом, которое вызвано стремлением обнаружить прошлую реальность и научно реконструировать ее, не является больше бесспорной задачей историка. Видимо, сейчас приходит время, когда историки должны больше думать о прошлом, нежели исследовать его. На этом новом этапе осмысление приобретает большее значение, чем реконструкция и поиски генезиса. Отсюда и проистекает основной конфликт в современной историографии, который заключается в противоречии между метафизическим подходом (постмодернизмом или постструктурализмом) и подлинным историзмом»¹³.

Представляется, что подобные познавательные установки должны выступать ориентирами и для историков психологии. Безусловно, это не должно восприниматься как призыв к полному отказу от конкретно-научных разработок в области истории психологии. Тем более что, к сожалению, все еще слишком значительная часть отечественной истории психологии выступает как «белое пятно», является недостаточно изученной. Но, тем не менее, при проведении подобных исследований, профессиональный историк психологии должен стремиться не только воссоздавать историю формирования и развития психологической идеи или содержание творческого наследия того или иного ученого, но и пытаться методологически осмыслить полученный результат в контексте современного состояния психологической науки, развития науки и общества в целом.

Литература

Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб., 1998.

Абульханова К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.

Аллахвердян А.Г. Социальная психология науки: историко-методологический анализ // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992. С. 7–9.

¹³<http://ea.donntu.edu.ua/bitstream/123456789/1544/19/tuchkova.htm>

- Ананьев Б.Г.* Передовые традиции отечественной психологии // Психология. Движение и деятельность: Ученые записки МГУ. Вып. 90. М., 1945. С. 234–246.
- Ананьев Б.Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947.
- Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.). Ч. 2 «Русский волонтаризм: М.И. Владиславлев». Нижний Новгород, 1997.
- Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.). Ч. 3 «Русский ассоцианизм: М.М. Троицкий». Нижний Новгород, 1999.
- Брушлинский А.В.* Школа С.Л. Рубинштейна: концепция деятельности и психического как процесса // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 92–100.
- Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
- Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
- Грязнов Б.С.* О взаимоотношении проблем и теорий // Природа. 1977. № 4. С. 60–64.
- Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.
- Гуревич П.С.* Психология. Учебное пособие. М., 1999.
- Емельянов Б.В., Любутин К.Н.* Введение в историю философии. М., 1987.
- Имедадзе И.В.* К истории взаимодействия школ А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 114–120.
- Казаков В.Г.* О периодизации советской социальной психологии // Всесоюзная конференция «Актуальные проблемы истории психологии» (Тексты докладов). Т. 2. Ереван, 1984. С. 11–17.
- Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000.
- Карацан В.А., Платонов К.К.* Периодизация истории отечественной авиационной психологии // Карацан В.А., Платонов К.К. История развития отечественной авиационной психологии. Учебное пособие. Монино, 1986.
- Климов Е.А., Носкова О.Г.* История психологии труда в России. Учебное пособие. М., 1992.
- Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. М., 2008.
- Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Системный подход в историко-психологическом исследовании // Первые международные научные Ломовские чтения. Тезисы докладов. М., 1991.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. История психологии: теоретические и методологические проблемы исследований // Современная психология. Справочник. М., 1999. С. 578–590.

Кольцова В.А., Медведев А.М., Олейник Ю.Н. Проблемы изучения истории психологии в системе культуры России // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992. С. 20–24.

Левченко Е.В. История психологии отношений: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1995.

Логинова Н.А. О преемственной связи психологических школ В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева // История становления и развития экспериментально- психологических исследований в России. М., 1990а. С. 116–126.

Логинова Н.А. Становление комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1990б.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Ломов Б.Ф. История и актуальные проблемы развития экспериментальной психологии в России // История становления и развития экспериментально- психологических исследований в России. М., 1990. С. 7–16.

Люк Х. История психологии: методология и методы // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 194–203.

Марцинковская Т.Д. История детской психологии. М., 1998.

Никифоров В.Е. Проблемная ситуация и проблема: генезис, структура, функции. Рига, 1988.

Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917–1957): Учебное пособие. М., 1997.

Огурцов А.П. Дисциплинарное знание и научные коммуникации // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1979. М., 1980. С. 299–322.

Олейник Ю.Н. История становления и развития отечественной психологии индивидуальных различий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.+

Олейник Ю.Н. Проблемологический подход в истории психологии: состояние разработки и перспективы развития // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 4 «Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М., 1984.

Платонов К.К. Общее, особенное и единичное в критериях периодизации истории отечественной психологии // Всесоюзная конференция «Актуальные проблемы истории психологии» (Тексты докладов). Т. 2. Ереван, 1984. С. 3–10.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.

Розин В.М. Путешествие в страну непривычного знания // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. М., 1996. С. 5–18.

Роменец В.А. Психологические идеи восточной патристики на Украине (XIII–XV вв.) // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 65–71.

Садовский В.Н. Методология науки и системный подход // Системные исследования. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 94–109.

Сахаров В.И. Развитие науки как закономерный процесс. М., 1977.

Селиверстов В.И. К проблеме системности научного знания (критический анализ эволюционистского подхода в современной западной методологии науки) // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1979. М., 1980. С. 326–343.

Соколов М.В. Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII вв. М., 1963.

Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. М., 1994.

Старостин Б.А. Системообразующие факторы в истории науки // Системные исследования. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 112–132.

Теплов Б.М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Теплов Б.М. Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1985. С. 191–198.

Ткаченко А.Н. Проблема теории и метода в истории психологии (в связи с учением о детерминации поведения) // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973. С. 89–110.

Тутунджан О.М. История психологии как научный процесс развития концептуального аппарата // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992. С. 38–40.

Тучкова И.Л. Методологические особенности исторических исследований французской школы «Анналов». URL: <http://ea.donntu.edu.ua/bitstream/123456789/1544/19/tuchkova.htm>

Умрихин В.В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М., 1987.

Умрихин В.В. Научные школы в истории советской психологии: методологические проблемы анализа // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 80–85.

Юревич А.В. Психология научного объяснения // Научный прогресс: когнитивные и социокультурные аспекты. М., 1993. С. 102–125.

Ярошевский М.Г. О категориальном анализе истории психологического познания // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973. С. 3–43.

Ярошевский М.Г., Лебедев В.А. Категориальный анализ как историко-психологический метод // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 14–24.

Harig G. Zur Einfuhrung // Naturwissenschaft, Tradition, Forschrift, NTM, Zeitschrift fur Geschichte der Naturwissenschaften. Berlin, 1963. S. VII–VIII.

Laudan L. Progress and its problems: Towards a theory of science growth. Berkeley, 1977.

Laudan L. Science a. Hypothesis: History essay on science Methodology. Dordrecht, 1981.

HISTORY OF PSYCHOLOGY AS A HISTORY OF SCIENTIFIC PROBLEMS: A PROBLEMLOGICAL APPROACH*

Yu.N. Oleynik*

**Candidate of psychology, senior researcher associate laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of psychology of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia*

Abstract: The article discusses the methodology of historical and psychological research. As a promising vector in the organization and conduct of research in the history of psychology, the problemological approach is considered, which relies on the recognition of the problem as a system-forming factor of scientific knowledge. The possibility of analyzing various forms of psychological knowledge based on it is substantiated. This approach is realized in the problemological method of analyzing the history of psychology, which is focused on identifying the prerequisites for the emergence of the problem, analyzing the process of its comprehension and formulation, and exploring ways and options for its resolution.

Keywords: history of psychology, scientific problem, tradition, methodology, problemological approach, historical psychological research